

ВЗГЛЯД СКВОЗЬ ПОКОЛЕНИЯ: ПАМЯТИ ВАШЕЙ БУДЕМ ДОСТОЙНЫ!

Ко Дню освобождения Раздольненского района от немецко-фашистских захватчиков в № 15 газеты «Авангард» от 13 апреля 2024 года была опубликована статья «Наш край в годы Великой Отечественной войны и боевой путь 87-й гвардейской стрелковой дивизии» (автор – историк-краевед В.И. Перенчук). В ней рассказывалось о боевом пути 87-й гвардейской стрелковой дивизии и о Раздольненском районе в период оккупации его немецко-фашистскими захватчиками, об ак-шеихском партизанском отряде, который вписал славную страницу в героическую летопись борьбы с фашистами.

Статья вызвала интерес у жителей района. Ведь не было ни одной семьи, которую бы не затронула Великая Отечественная война. В каждой – свои герои, память которых чтят и передают из поколения в поколение.

После выхода статьи в редакцию обратился житель села Славянское Василий Гурнаков с вопросом, не была ли допущена ошибка в фамилии В. Бурнакова. Возможно, в статье речь велась именно о его дедушке, Василии Гурнакове. Это мы и взяли проверить.

Валентина Перенчук провела большую работу с архивами в поисках первоисточника указанных в статье фамилий. Статья была подготовлена Валентиной Ивановой для защиты научной работы. Она подняла Книги Памяти Раздольненского района, но в них ни фамилии Бурнаков, ни фамилии Гурнаков не значилось. Подняла множество книг и распечаток, датированных разными годами. Фамилия Бурнаков фигурировала в одной из копий документа, набранного на печатной машинке. Опять же – первоисточник не найден. Поэтому утверждать, что фамилия была написана ошибочно, – не можем.

В свою очередь Василий Геннадьевич предоставил редакции копии архивов и документов, в которых значился список жертв, погибших в годы немецко-фашистской оккупации, по Ак-Шейхскому району с указанием фамилий, населённых пунктов. В списке – его дедушка Василий Николаевич Гурнаков, житель с. Садырь (ныне с. Славянское). В.Н. Гурнаков указан в Книге скорби Украины, АРК, стр. 305 (Симферополь, Таврида, 2001 год, под ред. И.А. Герасимова, М.Р. Акулова). Его имя высечено на мемориальной плите концлагеря «Красный», где он был зверски замучен фашистами. Концлагерь, созданный нацистами и их пособниками на территории бывшего совхоза «Красный», являлся одним из мест массового истребления советских людей, ужасы которого упоминались даже в ходе Нюрнбергского процесса. На месте концлагеря создан мемориальный комплекс «Концлагерь «Красный», открытие которого состоялось в 2015 году накануне 70-летия Дня Победы. Для ныне живущих и будущих поколений мемориальный комплекс – это дань памяти более 15 тысячам узников концлагеря, уничтоженных и замученных фашистами и их пособниками.

Сопоставив данные о Василии Гурнакове с воспоминаниями бывшей хозяйки явочной квартиры в Ак-Шейхе (ныне пгт Раздольное) Елены Андреевны Слюсарь (их редакции предоставила В.И. Перенчук и архив МБОУ ДО «ЦДЮТ им. А.М. Данилина), мы обнаружили, что Е.А. Слюсарь в своих воспоминаниях также указывает В.Н. Гурнакова. Уже позже от Василия Геннадьевича Гурнакова мы узнали, что Елена Андреевна Слюсарь приходится родственницей Василию Николаевичу Гурнакову по жене – Вере Васильевне Гурнаковой (в девичестве Слюсарь). Также указанная в воспоминаниях Любовь Михайловна Романова (в девичестве Слюсарь) – сестра мужа Елены Андреевны Слюсарь.

Василий Геннадьевич предоставил редакции фото своих бабушки и дедушки – Веры и Василия Гурнаковых.

В.В. Гурнакова, В.Н. Гурнаков

Искренне благодарны историку-краеведу В.И. Перенчук за бесценные материалы, позволяющие нам глубже изучить тему Великой Отечественной войны, которая коснулась каждой семьи. Мы обязаны чтить память ушедших героев, которые завещали нам мир на земле.

Дорогие читатели, представляем вашему вниманию воспоминания Елены Андреевны Слюсарь. Кто знает, может, кто-то обнаружит фамилии и своих родственников или односельчан. К статье необходимы некоторые комментарии. Воспоминания писались в послевоенные годы, когда партизанский отряд в нашем районе был ещё не признан. Сейчас же открываются всё новые и новые архивные данные о партизанах и подпольщиках. Существование партизанского отряда им. Чапаева было доказано лишь в 1987 году. Об этом отряде писал И. Федоренко в газете «Авангард», в № 151 (6472) от 17 декабря 1987 года. Полная версия статьи данного автора будет опубликована в последующих номерах газеты «Авангард».

Воспоминания бывшей хозяйки явочной квартиры в Ак-Шейхе (ныне пгт Раздольное) Елены Андреевны Слюсарь (орфография оригинала сохранена)

«Раньше мы жили в с. Нурали (исчезнувшее село в Раздольненском районе Республики Крым, располагавшееся на севере района, в степной части Крыма, примерно в 2,5 км юго-восточнее современного села Огни. – Прим. ред.), потом, когда муж стал председателем сельского совета в Ак-Шейхе (ныне Раздольное. – Прим. ред.), переехали сюда. Перед самой войной построились, дом ещё не достроили до конца. Жили очень бедно тогда, из обстановки было самое необходимое только, да и то очень старое: кровать, комод, стол да шкаф.

Как о нас узнали, и кто первый решил связаться с нами, я не знаю. Привёл к нам первого связного Тарасов, был это Николай Задыхайло. Муж говорит: «Прибыл человек, надо его хранить». Ночь он побыл, потом собрались все они, пришли Гусев, Срибник, Шамрай, муж мой (остальных не помню). Хозяйка моего назначили связным. Партизаны сначала были в степи у Садыря (ныне село Славянское. – Прим. ред.), там они прятались в яме. У ямы сделали очень узкий вход, который закрывали кураём, а сама яма была очень большая. Потом, когда немецкие охотники пошли по степи, перебрались в Смаил (Смаил-Бай – ныне с. Волочаевка. – Прим. ред.), где были большие подвалы. Там скрывались командиры и был штаб.

Был у нас ещё Гусев и Каминский, связные бывали много раз, прятались на горище. Чаше приходил Задыхайло, ночевал. Мы с мужем его переодевали, одежду в печи на жаровне выпаривали, т. к. было тогда много насекомых (вшей) в ней. Когда наши уже к Киеву подходили, был такой случай. Обычно муж знал заранее, когда должен Николай прийти. Как-то ночью прокинулся он и говорит: «Что-то Николая долго нет». А часа 2–3 было. Когда тихо нечисто стучит в окно, муж дверь открыл – заходит он. «Да – говорит, – кто-то у вас счастливый, наверное, твои дети». Мы света на зажигаем, темно, а он медленно так рассказывает: «Я только сейчас был в комендатуре». У меня волосы на голове зашевелились, раньше я думала так только в книгах пишу. Думаю: «Попались!» А он дальше говорит: «Попал я не на вашу улицу, а в центр. (А там, где сейчас кинофикация, комендатура была). Дохожу до комендатуры, а там немцы именины справляли, всех полицейев отпустили». <...> Немец Николая заметил и задержал. Спрашивает: «Куда?» Тот отвечает, что мол был у барышни. Немец повёл в комендатуру, а у Николая на поясе пистолет, в рукаве гранаты. Было строго запрещено трогать фашистов в селе, т. к. можно было всё дело провалить и людей загубить зря, но Николай решился себя взорвать, если что, чтоб в руки им не попадаться живым. Только немец сказал, чтоб он принёс на другой день 100 рублей штрафа сюда же в комендатуру и отпустил его. Николай же назвал чужой адрес, когда его спросили. Стали проверять адрес (штраф-то никто не принёс), а он ложный. Забрали Киндру, что жил по тому адресу, собрались все полицейские. Старший среди них был Черныш, он всех знал в селе и доказывал, что такого человека нет, это чужой, не здешний приходил, кто-то из партизан. Вот когда мы порадовались, что в тот вечер немцы полицейев отправили и одни остались.

А Николая муж увёл. Они всё рвались на Евпаторию, а может, и дальше куда, да и не знаю. Дом у нас был недостроенный, холодно, грязно. Соседи к нам не ходили, да я сама старалась, чтобы никого чужих не бывало. Один раз говорю Николаю: «Ты не прятаться днём. Если что – скажем, что сосед зашёл, а найдут на горище – хуже будет». Так он днём дома сидел. Немцы как глянут – холодно да и грязно, так и уходят сразу. Однажды сидят Николай с мужем, разговаривают, а я во дворе хожу, стерегу, когда летит немец на коне верхом, слез с коня, меня слушать не стал, когда я сказала, что дети больны тифом (очень они тифа боялись), написал что-то на дверях и уехал. Прихожу я, говорю, что немец по-своему что-то на дверях написал. Николай сказал, что на квартиру поставят. Что делать? Николай-то уйдёт, а оружие на горище его куда днём денешь? Рядом заготскот, там немцев да румын всегда полно. Даже растерялись, а я им говорю: «Давайте пока оружие снимем да спрячем». И спрятали. Автомат за кровать, где дети спали, Лёня и Танечка, а гранаты – прямо в кроватку под детей. «А ты, Коля, не прячься, – говорю, – будто сосед зашёл». А я на двери затёрла всю надпись немецкую, и тут едут полная бричка, увидели, что надписи нет – и повернули назад. Вдруг тот, что писал на двери, вернулся и кричит, плёткой меня, да я наклонилась и не сильно попало, он же уехал, так всё и обошлось, а Николай ночью ушёл и оружие своё забрал.

В последние дни перед отступлением немцы злые были очень, муж мой Николая в Евпаторию отвёл. Ещё у нас на горище еврейка с ребёнком пряталась: то там сидит, то спускается ребёнка погреть. Муж её перевёл потом куда-то. После они писали нам, но ни фамилии, ни адреса я сейчас не помню. Муж у неё был русский, в МТС работал, его фамилия была Михайлов, а имени я не знаю. Отец у нас был очень старый и больной, он этой жизни прямо выдержать не мог, хоть мы ему всего и не говорили. Володуну сестру (мужа), его дочку, немцы сразу, как пришли, расстреляли. Любовь Михайловна Романова, она в Садыре

работала. Там взяла сразу пять человек: Гурнакова, её, председателя сельского совета, тоже женщину и ещё, я уже забыла фамилии. Выдала их Жуковская, она всех и всё знала и предала здесь 280 человек. Вот не знаю только, поймали её или нет. Если б повесили – так здесь, где она столько народа погубила. Наверное, сама где-нибудь застрелилась, хотя такие гады сами не стреляются...

А их всех увезли в Дубки, там не просто расстреляли, а пытали, груди отрезали, мы уж как узнали, матери об этом не говорили. Привезли нам детей Любы, у неё трое было, да своих двое малых, да ещё Шура, сестра его (мужа) – вот такая семья была, десять человек, почти все дети да старики.

Муж мне не говорил всего. А раз приезжает такой довольный, весёлый и говорит: «Я в таком деле был, и так хорошо всё удалось!»

Загрузились он где-то (я не знаю где) мешками, прямо в бестарку (специальная повозка для перевозки зерна без тары. – Прим. ред.). А мешки были сургучём запечатаны, что в них, он не знал, знал только, что переправили «оттуда». Дали ему в помощь ещё двух парней из партизан и С.П. Мерилко, им всем дала документы, будто он едет за тарой с двумя грузчиками, а тара нужна для склада с керосином. (Я этих парней не знаю, ни имён, ни фамилий, и не видела их). Прикрыли они мешки сеном и поехали с этими документами. Подъехали к Манаю (ныне с. Ковыльное. – Прим. ред.), а там патруль проверять документы стал. Пропустили, а в Воронках – опять проверка, застава стоит. Дальше поехали – опять проверка, и под самым городом – снова. И всё благополучно, пропустили все. А под городом должен был выйти человек навстречу. Там раньше стоял домик на окраине с высоким забором и воротами, теперь его нет уже. Там должен был встретить человек, приметы которого муж мой хорошо знал: одежду, вид, пароль и т. д. Муж подъехал, тот говорит

ему, чтоб подъехал к дому и быстро в ворота, как только они откроются, и всё быстро разгрузить. Въехал он в ворота, а там целый тоннель, выскочили ребята, быстро всё разгрузили и партизан обоим он там по приказу оставил. И рассказывает, что хоть неверующий, а аж прекрестился, когда всё хорошо кончилось. «Еду, – говорит, – и аж петь хочется: четыре застава пройты, груз доставить, партизан отвезти, да ещё и домой вернуться целым!»

Война-то как началась, наши без оружия почти были, а потом его уже переправляли – и автоматы, и гранаты. Тут, в комнате, перед отступлением немцев целую кучу оружия сложили, потом часть забрали, а остальное так и лежит. Кто из немцев зайдёт – все погибнем. Так я его то в скирду, то в сарай, а гранаты собрала в подол, да закопала в навоз конский. Потом уже муж их куда-то унёс, отдал.

Когда к нам первые партизаны пришли, мы очень радовались, что всё же наши придут, но пока всё это пережили, так долго было...

Жандармерия была в аптеке нынешней, и нам очень хорошо было видно, когда там появлялась гестаповская машина. Володя мой решил: если что, лучше повеситься, чем попасть им в руки, и всегда держал для этого ремешок. Командант гестаповский жил с аптекаршей, аптека у неё дома была, а Шура наша в аптеке работала. Она и по дому аптекарше всё делала, а та не раз говорила, что на Володю доносы поступают, но она гестаповца уверяла, что брат Шуры никакой не партизан, и всё обходилось. А мать наша перед аптекаршей на коленах стояла, просила, чтоб заступилась за Володю.

А с Николаем потом так вышло. Он с Шамраем зашли в одну семью, где было четверо детей, а самому старшему 14 лет. И их соседи выдали немцам. Они там бились, но немцы всё-таки забрали отца и мать, Шамрай погиб, а Николая тоже забрали. Мальчик этот приезжал ко мне. Родителей его расстреляли, а Николая спасли партизаны, но когда его привезли к нам, он заговариваться стал. От пыток, наверное. Он был весь в ранах, его пытали, на руках мясо сорвано ручниками, но нас он не выдал. Я писала его сестре, они приезжали года четыре назад. Я вам дам её адрес, она вас свяжет с братом, он сейчас в Евпатории, в уголовном розыске и он вас расскажет о Николае, где он сейчас. Я им не писала давно, очень трудно после смерти Володи и Лёни, я перед вашим приходом заранее лекарств напилась, иначе уже не могу.

После освобождения Володя со своей справкой партизанской в военкомат, а там военком на него накричал, что никаким тут партизан и подпольщиков быть не могло, леса тут нет, а в степи негде прятаться, и справку ту порвал. Очень обидно было. Справку, обрывки, Володя принёс, а где они сейчас – не знаю даже. Потом его и медалью наградили, но всё равно обидно так и не прошла. Ведь не напоказ всё делали, помогали, чем могли и как могли, а нам не поверили, да и сейчас не все верят. Главное, конечно, то, что сделали всё, что могли, и сами живыми остались».

Так по ниточке развязывался клубочек. Таким образом, мы не можем утверждать, что в фамилии Бурнаков была сделана ошибка. Но мы можем открывать всё новые лица и судьбы с помощью вас, дорогие читатели.

Ещё одна страница вписана в историю. Если у вас есть интересные факты, подтверждённые документально, о родственниках – участниках Великой Отечественной войны, принесите их в редакцию газеты для опубликования!